

СУРЖИК КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ИЗ УКРАИНЫ В МОРДОВИЮ

¹Киселёв А.Г., ²Шилина С.А.

¹Редакция журнала «Президентский контроль», Москва, e-mail: alexandr.profession@yandex.ru;

²ФГБОУ ВПО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»,
Брянск, e-mail: supershili2012@yandex.ru

Проведен анализ взаимовлияния литературного русского языка и разновидности украинского языка – суржика в языковом коллективе переселенцев из Украины в Мордовию вследствие Столыпинской аграрной реформы. Наблюдения над языковой ситуацией, складывающейся на протяжении 100 лет, позволили сделать вывод о межэтнической коммуникации между представителями разных народов и о путях интеграции культур, что важно для современного состояния языковой ситуации в России. Рассмотрено понятие языковой личности применительно к языковому коллективу переселенцев, попавших в иноязычную среду и стремящихся сохранить свою культурную и языковую индивидуальность. Сделаны выводы о тенденциях развития подобной языковой ситуации в условиях межэтнической коммуникации, когда социальные условия в нашей стране на современном этапе предполагают ассимиляцию иноязычных средств, их приспособление к русской речи.

Ключевые слова: суржик, языковая личность, взаимовлияние, переселенцы, языковая ситуация, межэтническая культура

SURZHUK (MIXTURE) AS A REPRESENTATION OF THE LINGUISTIC PERSONALITY OF IMMIGRANTS FROM UKRAINE IN MORDOVIA

¹Kiselev A.G., ²Shilina S.A.

¹The editorial Board of «Presidential control», Moscow, e-mail: alexandr.profession@yandex.ru;

²Federal state budgetary educational institution of higher professional education «Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky», Bryansk, e-mail: supershili2012@yandex.ru

The analysis of the mutual influence of the literary Russian language and the form of the Ukrainian language – a surzhuk (mixture) of the language group of immigrants from Ukraine in Mordovia as a result of the Stolypin agrarian reform was conducted. Observations on the language situation for over a hundred years allowed concluding about inter-ethnic communication between representatives of different peoples and ways of cultures integration, which is important for the modern state of the language situation in Russia. The article discusses the concept of linguistic personality in relation to a linguistic group of immigrants that is trapped in a different language environment and seeking to preserve their cultural and linguistic identity. The authors made conclusions about the trends of the development of such language situation in terms of inter-ethnic communication, when the social conditions in our country at the present stage involve the assimilation of other language tools, their adaptation to Russian speech.

Keywords: surzhuk (mixture), linguistic personality, mutual influence, immigrants, language situation, ethnic culture

Лингвистическая составляющая современных социальных условий межэтнической коммуникации предопределила векторы развития современного российского социума как многонациональной общности, для которой остро встаёт вопрос о языке межнационального общения, которым долгое время был (и остаётся до сих пор на постсоветском пространстве) русский язык. Но нельзя обойти вниманием и такую проблему, как стремление сохранить самобытность (культурную и языковую) тех, кто вынужден был переселиться в русскоязычную среду под влиянием тех или иных причин.

Если обратиться к истории, то одним из факторов переселения, например, была Столыпинская аграрная реформа, в результате которой в числе прочих из украинского села Собич в Поволжье (Лямбирский район Республики Мордовия) переехало несколько семей, образовав на новом месте хутор Лопатино, ставший «островком оазисной культуры» [из нашей рукописи. – А.К.].

Для обоснования выдвинутой нами гипотезы о взаимовлиянии различных культур и языков при межэтническом контакте обратимся к раскрытию основных понятий данного исследования.

Наша трактовка [10] термина «языковая личность» восходит к пониманию его Ю.Н. Карауловым. Это «любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире» [4, с. 671].

Под текстами в данном случае понимается не только письменная, но и устная форма языка. Лексикон человека определяется как система кодов и кодовых операций, а также как средство доступа к единой информационной базе человека – его информационному тезаурусу, т.е. базе знаний, обеспечивающей

овладение опытом предшествующих поколений и становление индивида как члена определенного национально-лингво-культурного сообщества [3, с. 58].

Более всего разработан вопрос о взаимоотношении языка и культуры у Вильгельма фон Гумбольдта, который связывал своеобразие языка с особенностями духовной деятельности нации, что можно обозначить как «... тонкое, но глубокое родство между различными видами духовной деятельности и своеобразием каждого языка...», в котором «мы всегда находим сплав исконно языкового характера с тем, что воспринято языком от характера нации» [2, с. 373]. Сущность языка позволяет ему влиять на целые поколения людей, а также на другие языки.

Большой вклад в разработку проблемы языка и культуры внес Эдвард Сепир, один из сторонников теории «лингвистической относительности». Он считал, что «язык в своей лексике более или менее точно отражает культуру, которую он обслуживает, совершенно справедливо и то, что история языка и история культуры развиваются параллельно» [7, с. 194]. «Культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает. Язык же есть то, как думают» [7, с. 193].

В своей работе мы используем термин «языковая картина мира» как выражение с помощью различных языковых средств системно упорядоченной, социально значимой модели знаков информации об окружающем мире. Нам близко понимание языковой картины мира как своего рода мировидения через призму языка, что отражено, например, в работах Е.С. Яковлевой «К описанию русской языковой картины мира» (Русский язык за рубежом. – 1996. – №1-2-3) и «Фрагменты русской языковой картины мира» (М.: Гнозис, 1994. – 344 с.) [10].

Языковая картина мира естественно отражает национально-культурную специфику народа – носителя данного языка. Общечеловеческой языковой картины мира как таковой не существует, она складывается из составляющих ее национальных языковых картин мира. В языке отражается и в немалой степени формируется им национальный менталитет – «...особенности восприятия и интеграции окружающего мира и самого человека, а также система оценок, ценностей и нравственных требований, присущих творческой части народа» [9, с. 8].

Наиболее ярко национальный характер народа отражается в лексическом составе языка, и в таком его подвиде, как диалектная лексика. Диалектное слово интересно ещё и потому, что оно хранит в себе черты

утраченных литературным языком явлений и дает представление о культуре и быте прошедших эпох.

К сожалению, последние десятилетия диалекты все больше уступают место русскому литературному языку. Этому способствуют многие причины. Главная из них – это интенсивное развитие науки, культуры и техники. Повсеместно и прочно вошли в нашу жизнь радио, телевидение. Все больше людей имеют возможность пользоваться Интернетом. Массовыми тиражами издаются книги, газеты, журналы.

Сегодня, в эпоху всеохватного распространения средств массовой информации, оказывающих огромное воздействие на языковое сознание носителей русского языка [5], в период умирания многих деревень, глубинных социальных изменений в крестьянской среде, с неизбежностью меняется характер и статус диалектного слова. Территориальные диалекты не умирают, но, как отмечает А.С. Герд, трансформируются в особые новые формы разговорной речи, в которой утрачиваются многие архаичные черты диалекта и развиваются новые особенности [1, с. 20]. Особое место занимает так называемый суржик – местное наречие хуторян (речь идёт об уже упомянутом хуторе Лопатино, где проживали переселившиеся в 1914 году в результате Столыпинской аграрной реформы украинцы из Собича), то есть синтетически создавшаяся прослойка между диалектным говором и литературным языком, приобретшая синергетический эффект и эмерджентные свойства. Для науки суржик представляет большой интерес, так как является недостаточно изученным языковым образованием, включающим элементы украинского языка в соединении с русским. Дословно дефиниция «суржик» от «суржа» означает смешанный посев на одном поле озимой пшеницы с озимой рожью [8].

Хотя в науке есть и другое мнение в контексте этимологии суржика. Так, например, известный современный украинский лингвист профессор Л. Масенко [6] считает, что суржик впервые был использован в 30-е годы 19 столетия. Суржик – вовсе не продукт смешения так называемого украинского и русского языков, а малороссийское наречие, на котором творили свою поэзию Т. Шевченко, И. Котляревский и другие [8].

Нас интересует факт существования данного феномена как репрезентации языковой личности переселенцев. И в первую очередь обратимся к языковым предпочтениям в условиях двуязычия и многоязычия (русский, мордовский и татарский языки) этнического меньшинства в многонацио-

нальном сообществе. Создалась экстралингвистическая ситуация, препятствовавшая сохранению родного языка этносом в полиэтнической среде проживания. И диаспоре в целях сохранения себя как этноса ничего не оставалось делать, как пытаться всё же вопреки социальным факторам сохранять родной язык (как важную составляющую менталитета и самоидентификации любого народа), превратившийся в итоге в говор и утвердившийся лишь как язык устного общения.

Рассмотрим фонетические элементы, по которым отличаются слова суржика от лексем литературного языка. Эти элементы могут быть связаны с переносом ударения, а также с заменой, вставкой или утратой звуков.

Акцентологические варианты представлены примерами: говорят – [гавар'ят / гавор'ят], было – [було] (здесь и далее местный говор, не являясь литературным языком, обозначается в адаптированной (нестрогой) транскрипции. – А.К., С.Ш.).

Фонетические диалектизмы, характеризующиеся заменой одного звука другим, представлены заимствованными единицами, при освоении получившими диалектную огласовку: футбол звучало как [путбол'а], хоккей – [хат'ит'эйка]. В первом случае наблюдается общая черта подобных заимствований: при заимствовании слов с [ф] (отсутствовавшего в древнерусском языке) происходит его замена на [п] (сравним в литературном русском: фарос – парус). Причиной диалектной огласовки второй из указанных лексем стала контактная диссимилиация (расподобление по способу образования) соседних смычных звуков [к]. В результате диссимилиации [к] был заменен смычным же [т] да ещё со вставкой слога. В этих же словах наблюдаются и морфологические изменения: смена родовой принадлежности имён существительных (мужской род в литературном и женский – в суржике). Интересным представляется и фонетическое изменение в слове *скворец* – [шкварец'] (укр. *шпак*). В результате диссимилиации свистящий [с] был заменен на шипящий [ш]. Приведем ещё примеры замены одного звука другим, характерное для носителей суржика: замолчи – [замавчи], прыгать – [пльгат'], осуществлять караул – [калавурит'], вкусно – [кусно], уничтожить – [ун'истожыт'], вчера – [уч'ора]. Среди примеров встретились глаголы в форме изъявительного наклонения 3 лица с конечным мягким согласным [т]: говорят – [гавар'ят / гавор'ят], идет – [ид'от'].

Фонетические диалектизмы, характеризующиеся появлением нового звука, пред-

ставлены, например, местоимениями «яна» («ей») и «вана» (литературное «она») и наречием «як» (литературное «как»). Это диссимилиативные по своей основе эпентезы (вставки) звуков и разновидности эпентез – протезы (приставки) звуков (Реформатский). У слов «яна» («ей») и «як» имеется протетический звук [j], а у «вана» протетический звук [в]. Причём, разная огласовка наблюдается у одного и того же носителя: [знач'ит' мар'яна / тэйэ / ид'эт' пэрэдом / а йа за н'ойу // тадэ вана крыч'ит' // стрыл'ай // а йа ж кажэ йой // дык йак же ж йа буду / тэйэ / стрыл'ат' / колы ружэ ж / тэйэ / ны зар'ажынэ //] (из речи на товарищеском суде в 1975 году колхозного сторожа. – включённое наблюдение А.Г. Киселёва). Как нам представляется, лексика говора носит смешанный характер вследствие языковых контактов прежде всего с русскоязычным населением. Не употребляя русских слов, но понимая их смысл, носители суржика стараются подстраиваться под русскую речь так, чтобы и русские индивиды их практически понимали. Забывчивость родных слов они восполняют при разговоре словом-связкой [тэйэ], что означало в буквальном смысле слово-паразит «это, это самое» (см. вышеприведённый пример).

Встречается у языковых личностей – носителей суржика эпентеза и в середине слова: срам – [срам]; колхоз – [калхвос].

Существуют также фонетические диалектизмы, вызванные утратой звуков – дизрезой («выкидкой»). Подобные процессы оставляют свой «след» и в общеупотребительной лексике, однако в диалектах они более активны. Для диалектной лексики характерно сохранять более архаичные формы, этим и объясняется значительное число диалектизмов, отличающихся от литературных эквивалентов более простым звуковым составом. Приведем пример из вышеприведенного текста: в слове «тогда» утрачивается звук [г] – [тадэ].

Объектом рассмотрения могут быть и словообразовательные диалектизмы. В эту группу включаются не только те единицы, которые отличаются от эквивалентов литературной разновидности языка своим морфемным составом, но и те, что отличаются от общенародного варианта какой-либо морфемой. Такой подход продиктован тем, что морфема как минимальная значимая часть слова обладает значением, следовательно, привносит в семантику слова определенный нюанс. Например, носители суржика красный стручковый пикантный перец называют [струк], это слово образовано морфологическим способом, очень редким и характерным только для разговор-

ного стиля – усечение производящей основы (струк ← стручок).

Обратимся к лексическим диалектизмам – единицам, которые являются синонимами соответствующих слов литературного языка.

Например, в высказывании [йа п'идыйму з'аткало в'ид макалки?] «заткало» – это крышка, «макалка» – чернильница. Приведем ещё примеры: побелить (избу) – [пагалакат'], отварной картофель – [адварынка], быстро, полунепонятно инадоедливоразговаривать – [шкабарч'ат'], скоблить – [шкр'абат'], оттаивать, размораживаться – [адлыгат'], сурепка (просторечн. дикарка) – [апуц'ка], высохший гриб-дождевик – [бзд'ушка], тащить на себе – [бантыжыт'], стучать по щеколде/щеколдой – [кл'амкат'/бр'аз'кат'] и мн. др. (включённое наблюдение А.Г. Киселёва).

Столыпинские переселенцы были украинцами, они мигрировали из украинского Собича, разговаривали на украинском языке, но из-за отсутствия образования литературным украинским языком в подавляющем большинстве и не владели. Поэтому получается, что они в 1914 году привезли с собой диалект Юго-Восточной Украины, который в условиях отдаленности претерпел существенные изменения, породив совершенно новые оттенки.

Люди старшего поколения – носители суржика в моноусловиях проживания остаются преданными родному наречию, хотя, обучившись в свое время в русскоязычной школе, интересуются книгами на русском языке, смотрят телепередачи, слушают радио, читают СМИ. В быту разговаривают исключительно на суржике, с русскоязычными индивидами изъясняются на «ломаном» русском языке. Изучив русский язык в школе, в зрелом возрасте та или иная языковая личность возвращается к истокам. И не только в целях сохранения языка. Эти индивиды просто нравятся разговаривать на, в общем-то, забываемом наречии и хочется, чтобы их культуру услышали и оценили прежде всего потомки. Они просто живут этим говором.

Любопытные процессы происходили и в обратном направлении, то есть носители русского языка пытаются подражать говорящим на суржике. Ярким представителем подобной языковой личности можно назвать Марию Андреевну Дудко (в девичестве Зотову) [наблюдения А.Г. Киселёва]. Она одной из первых русских женщин в 20-е годы прошлого столетия вышла замуж за украинца из хутора Лопатино Василия Дудко и переехала жить в большую украинскую семью, изучая их традиции и обычаи, привыкая к другой речи. Разговаривавшая на

русском, она все же «подстраивала» свою речь под суржик: русск. просторечн. [эн чаво] (это что?) на украинском из ее уст звучало как [сэ ч'аво] (на укр. [сэ ш'о?]), смотри – [д'ив'ис'] вместо украинского диалектного твердого [дывыс'], обращение на укр. [д'эвко] звучало как [д'эфка] и др. Уже здесь наблюдается взаимосвязанность и взаимовлияние живой речи этноса.

Складывающаяся на протяжении ста лет языковая картина мира переселенцев из Украины в Мордовию отразила национально-культурную специфику языковой личности хутора Лопатино – носителя суржика. В языке, как уже отмечалось выше, проявляется и в огромной мере формируется им национальный менталитет – самоидентификация, репрезентация той или иной языковой личности.

Список литературы

1. Герд А.С. Диалект – региолект – просторечие // Русский язык и его функционирование. – М., 1998.
2. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 451 с.
3. Залевская А.А. Индивидуальное знание: Специфика и принципы функционирования. – Тверь, 1992. – 136 с.
4. Караулов Ю.Н. Языковая личность // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – 703 с., 16 с. вкл.
5. Киричк П.Н. Современная информационная политика: императивно-модусная трансформация // Социологические исследования. – 2007. – № 10. – С. 86–96; Ключникова Т.Н. Социальная активность граждан как источник преобразований в местном самоуправлении // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2015. – № 2 (46). – С. 155–170.
6. Масенко Л. Суржик: історія формування, сучасний стан, перспективи функціонування // Belarusian Trasjanka and Ukrainian Suržyk. Structural and social aspects of their description and categorization. – Studia Slavica Oldenburgensia, Oldenburg, 2008.
7. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: Пер. с англ. // Общ. ред. и вступительная статья А.Е. Кибрика. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. – 656 с.
8. Суржа [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.efremova.info/word/surzha.html#VbHwVPntIHw> (дата обращения 24.07.2015); Суржик [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D0%B1%D1%81%D1%83%D0%B6%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5:%D0%A1%D1%83%D1%80%D0%B6%D0%B8%D0%BA> (дата обращения 24.07.2015); Суржик. В национальном корпусе русского языка найдено 18 документов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://search-beta.ruscorp.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentize=&mydocsize=&spd=&text=lexgramm&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&parent1=0&level1=0&lex1=%F1%F3%F0%E6%E8%EA&gramm1=&sem1=&sem-mod1=sem&sem-mod1=sem_2&flags1=&m1=&parent2=0&level2=0&min2=1&max2=1&lex_2=&gramm2=&sem2=&sem-mod2=sem&sem-mod2=sem2&flags2=&m2= (дата обращения 29.07.2015).
9. Чернухин И.Я. Система взглядов А.С. Пушкина – основа русского национального менталитета (на материале лирики) // Филология на рубеже XX – XXI вв.: Тезисы Международной научной конференции, посвященной 80-летию Пермского университета (19-22 ноября 1996 г.). – Пермь, 1996. – С. 8–9.
10. Шилина С.А. Становление управленческого дискурса в системе властных отношений (репрезентация языковой личности Ивана Грозного): Монография. – Saarbrücken, Germany: Издатель: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG Dudweiler Landstr.99, 66123, 2011. – 160 с.